

http://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds18_e.htm. – Date of access : 10.01.2015.

15. Japan – Measures Affecting Agricultural Products II. WT/DS76/AB/R [Electronic resource] // WTO. – Mode of access : http://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds76_e.htm. – Date of access : 10.01.2015.

16. Mexico – Anti-Dumping Investigation of High-Fructose Corn Syrup (HFCS) from the United States. WT/DS132/AB/RW [Electronic resource] // WTO. – Mode of access : https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/90abr.pdf. – Date of access : 10.01.2015.

ВЫХОД ИЗ ДОГОВОРА О ЕАЭС И ПРЕКРАЩЕНИЕ ЧЛЕНСТВА В СОЮЗЕ: ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО АКТА

Михалева Т.Н., к.ю.н., заместитель руководителя Института правовых исследований НЦЗПИ, начальник отдела исследований в области государственного строительства и международных отношений

С подписанием и вступлением в силу Договора о Евразийском экономическом союзе (далее – договор) набирают популярность информационно-аналитические и исследовательские материалы относительно содержания столь важного документа, его юридических нюансов и механизмов реализации положений. Такое пристальное внимание к судьбе учредительного и интеграционного акта не может не радовать, поскольку данным договором значительно меняется правовой, институциональный контекст интеграционного движения в евразийском регионе, что с учетом глубины взаимодействия, безусловно, касается и государств, и бизнес-сообществ, и отдельных субъектов хозяйствования, и индивидов напрямую. Однако не всегда в прессе, и в профессиональной ориентированной, и даже в научной литературе можно встретить комплексный и взвешенный подход к анализу и толкованию текста договора и его приложений, что может породить и непонимание, и дезинформированность относительно целей и способов интеграции в рамках Союза, подорвать доверие к новому международному проекту.

Одним из таких – зачастую превратно истолкованных – положений стали нормы договора о выходе государств-членов из Союза. К сожалению, неудивительно, что издания пестрят любыми заголовками и «сенсационными», но необоснованными выводами, чтобы привлечь внимание широкого круга читателей. Так, источник gazeta.ru пишет: «Журналисты выяснили, что в договоре скрывается ловушка...выйти из нового интеграционного образования страна-участник может только... с согласия других стран». Аналогичные высказывания есть и в белорусских

изданиях. Как будет показано ниже, речь идет о процедурном вопросе реализации компетенции одного из органов, но никак не о порядке выхода как таковом. Удивительно другое, что среди ученых-юристов встречаются поверхностные оценки содержания договора, что и приводит к деформации общественного мнения и возникновению мифов. Так, В.А. Мулюкова на страницах Евразийского юридического журнала в 2014 году в № 12 пишет: «Статья 118 Договора определяет *все процедурные вопросы*, связанные с выходом, который может быть практически осуществлен *в течение 12 месяцев и только при условии урегулирования* всех финансовых и *обязательственных вопросов*» (курсив – Т.М.). В одном предложении допущены четыре неточности интерпретации договора: не все процедурные вопросы урегулированы ст. 118, момент выхода определяется истечением 12 месяцев с даты получения депозитарием договора уведомления о выходе, при этом выход отнюдь не обусловлен урегулированием обязательственных вопросов, и не стоит последовательно к разрешению финансовых.

Статьей 118 договора, расположенной в заключительных положениях договора и применимой без изъятий, установлено, что любое государство-член вправе выйти из договора. Данная статья, действительно регулирующая вопросы выхода, указывает на классические подходы к выходу из международного договора: действие договора в отношении этого государства прекращается по истечении 12 месяцев с даты получения депозитарием такого уведомления. Обязательство урегулировать финансовые (и только) вопросы объективно и закономерно и не ставит вопрос о выходе в зависимость. Выход наступает при соблюдении лишь 2 условий: наличия письменного уведомления и истечения определенного договором срока с момента его получения. В то же время обязательство урегулирования финансовых вопросов остается в силе, несмотря на выход государства из договора, вплоть до его полного выполнения, что также характерно для ситуаций выхода из договоров, учреждающих международную организацию. Это указывает и на делимость договорных положений. Выход из договора автоматически влечет прекращение членства в самом Союзе и выход из международных договоров в рамках Союза (п. 4 ст. 118). Откуда же взялось мнение относительно якобы ограниченного волей других государств выхода?

Очевидно, что урегулирование финансовых вопросов должно быть облечено в некую процессуально-правовую форму. Так, в п. 3 ст. 118 указано, что должно быть принято решение о начале процесса урегулирования, решение это должно быть принято на самом высшем уровне – в Высшем совете. Такое решение Высшего совета – не решение о выходе и не его санкционирование, а именно формализация процесса

урегулирования отдельных вопросов, не влияющих юридически на факт выхода. Также, ст. 12 договора урегулированы полномочия Высшего совета, а в ст. 13 – порядок принятия этим органом решений. Очевидно, что в этих положениях должна была найти свое место соответствующая норма о процедуре принятия решений об урегулировании финансовых вопросов в связи с выходом. Именно поэтому возникла норма: «Решения Высшего совета, связанные с прекращением членства государства-члена в Союзе, принимаются по принципу «консенсус минус голос государства-члена, уведомившего о своем намерении прекратить свое членство в Союзе» (ч. 2. п. 2 ст. 13 договора). Норма означает лишь одно в отношении выхода из договора: что принятие решения Высшим советом о начале процедуры урегулирования финансовых вопросов принимается по правилу «консенсус-минус голос». С одной стороны, весьма положительно, что на уровне договора обозначена процедура такого вопроса, который фактически уже может находиться вне юридических рамок Союза. С другой стороны, никак не обозначены ни регламент, ни сроки проведения переговоров или иных способов урегулирования финансовых вопросов, что на практике предоставляет сторонам достаточно широкую свободу действий и не ограничивает государство, нотифицировавшее о выходе либо уже вышедшее из договора и Союза, вести переговоры или осуществлять иные способы мирного урегулирования финансовых вопросов какими-либо рамками, помимо общих международно-правовых обязательств.

Интересен вместе в том факт, что в договоре употребляется как термин «прекращение членства», так и термин «выход из Договора». Как уже упоминалось, выход из договора влечет автоматическое прекращение членства. В обратном построенной цепочке не все так однозначно. Международному праву известны и другие основания прекращения членства, помимо добровольного выхода из учредительного договора: автоматическое прекращение членства, исключение, прекращение существования какого-либо из субъектов (организации или государства). Однако договором не предусмотрено ни одно из иных оснований. Между тем, в уже упомянутой статье о компетенции Высшего совета используется именно термин «прекращение членства». Таким образом, если порядок выхода из договора и соответствующего прекращения членства в Союзе определен ст. 118, а процедура принятия решений об урегулировании финансовых вопросов в связи с выходом – ст. 13, то порядок прекращения членства по другим основаниям – Высшим советом в соответствии со ст. 12 и ст. 13 договора.